го выражения дружеских чувств не последовало: «Люблю ли я тебя? О том не хочу сказывать. Я редко пропускаю случай писать к тебе; из чего можешь заключать по крайней мере то, что я всегда о тебе помню. „Disce philosophari!" — говорим мы, ученые; сиречь: учися любомудрствовати и от действия доходить до причины — ab effectu ad causam. (NB. Когда будешь писать ко мне, то, пожалуй, не позабудь поблагодарить меня за сии латинские слова и похвалить мою ученость)» (С. 501). Ничего неожиданного в подобной реакции нет. Петров удивительно последователен. Он уже имел случай высказать свое представление о дружбе, откровенно и прозаично: «...добрым приятелем может быть всякий честный человек, у которого есть уши, язык и общий человеческий смысл, если только захочешь подладить к его тону» (С. 500). Но «чувствительный, как младенец»,[17] Карамзин этого письма еще не получил и потому пока не знает, что на его признания друг ответит ироничными тирадами. Поразительно, но ни к одной из этих тем в переписке с Петровым Карамзин больше не возвращался. Его душа надолго, навсегда замкнулась. Письма Карамзина «отмечены печатью сухости и сдержанности, — подчеркивает Ю. М. Лотман. — На любые душевные излияния или отвлеченные рассуждения в них наложен запрет».[18] Это верно. Исключением были несколько писем Карамзина Петрову, датированные маем 1785 г. и безвозвратно утраченные.

Начатая так, как начинались десятки других эпистолярных «романов», переписка Карамзина с Петровым сразу же была обречена на постоянные «сбои». Чтобы продолжить «роман», Карамзин был принужден «маневрировать». В письмах, относящихся к концу мая—началу июня 1785 г., он выступает в новой роли. Карамзин сменил на нее прежнюю («беспечный ленивец»), решительно отвергнутую другом: «Что же касается до праздности, то я никому в свете не поверю, чтоб ты ничего не делал» (С. 501). Теперь Карамзин явился автором и критиком, кабинетным затворником и (в письме от 26 июля 1787 г.) философом и мудрецом. Ни одну из этих «ролей» Петров не примет: «„Слава просвещению нынешнего столетия, и краи симбирские озарившему", — так воскликнул я при чтении твоих эпистол (не смею назвать русским именем столь ученые писания), о которых всякий подумал бы, что они получены из Англии или Германии. Чего нет в них касающегося до литературы? Все есть. Ты пишешь о переводах, о собственных сочинениях, о Шакеспере, о трагических характерах, о несправедливой Вольтеровой критике, равно как о кофии и табаке. Первое письмо твое сильно поколебало мое

---

[17] *Карамзин Н М* Цветок на гроб моего Агатона // Карамзин Н М. Записки старого московского жителя. Избр. проза. М., 1986 С. 234

[18] *Лотман Ю М* Сотворение Карамзина. С. 17.